

УДК 159.9

ГРНТИ 15.81.29

О ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ГЕРМАНИИ И АМЕРИКЕ¹

© 2021 г. Г. И. Челпанов

*Ординарный профессор кафедры философии
Императорского Московского университета*

В этом докладе² автор ставит вопросы, относящиеся к новому направлению — зарождающейся прикладной психологии. Вспоминая свои недавние поездки в Германию и Америку, Челпанов с уважением отзывается о Г. Мюнстерберге, первым заявившем о необходимости приложения психологических знаний для различных сфер деятельности человека, и, в первую очередь, для педагогики и «хозяйственной жизни». Абсолютно новыми идеями были предложения иностранных коллег о введении должности психологов-консультантов, которые могли бы проводить исследования и руководить ими, а также обучать психологии воспитателей. Г. И. Челпанов обосновывает необходимость создания учреждений, где дают советы о пригодности к профессии, исследуют психофизические особенности человека применительно к профессии, изучают психофизические условия для наибольшей производительности труда. Применительно к российской жизни он ставит вопрос, требующий скорейшего разрешения: как и где готовить психологов-консультантов. По мнению автора, научная психология в России находится в зачатке и мало молодых психологов, готовых заниматься наукой.

Ключевые слова: прикладная психология, германские психологи, американские психологи, психология хозяйственной жизни, Гуго Мюнстерберг, научная психология в России.

¹ Впервые опубликовано: Челпанов Г. И. О прикладной психологии в Германии и Америке (Доклад, читанный в Московском Психологическом Обществе 10-го ноября 1912 г.) // Вопросы философии и психологии. 1912. Год XXIII. Кн. V (115). С. 399-434.

² Аннотация и ключевые слова к статье Г. И. Челпанова составлены Н.Ю. Стоюхиной

ВВЕДЕНИЕ

Предмет сегодняшнего моего доклада — вопрос о прикладной психологии. Я уже имел случай несколько раз делать сообщения на эту тему в Психологическом Обществе и повторное сообщение на ту же тему, конечно, нуждается в оправдании. Я думаю, что вопрос о прикладной психологии является одним из очередных вопросов современной психологии; он и в настоящий момент так же нуждается в рассмотрении, как и 3-4 года тому назад. Дело в том, что прикладной психологии, как мне представляется, предстоит блестящая будущность, и нам необходимо занять совершенно определенное к ней положение.

В прошлом году в ноябрьской публичной лекции, читанной мною в Москве, я представил отчет о положении этого вопроса в западной Европе и Америке³. За минувший год вопрос двинулся значительно вперед и принес так много нового, что я нашел достаточно материала, чтобы сделать об этом сообщение в Психологическом Обществе. Но делая отчет, я руководился тою же целью, какую руководился и в прежние годы. Мне хотелось бы выяснить условия, при которых прикладная психология может приобрести научный характер.

Дело в том, что с прикладной психологией связано очень много недоразумений, я бы сказал трудностей. Прежде всего, мы говорим о психологии «прикладной», т.е. такой, которая может иметь практическое значение. Но в высшей степени трудно определить *пределы приложимости* прикладной психологии, т.е. в какой мере прикладная психология может иметь практический характер. Могут ли методы прикладной психологии считаться в такой мере выработанными и так легко применимыми, что ими могут пользоваться даже не-специалисты по психологии. Попытки пользоваться психологией для практических целей делались не только у нас в России, но, как мы увидим, и в западной Европе, и в Америке практиковались в широких размерах.

³ Об этом см. мой «Сборник статей (психология и школа)». М., 1912, стр. 169, статья «Экспериментальная психология и школа».

Вопрос о прикладной психологии представляет в настоящий момент для нас особое значение. Я мог бы привести следующую параллель: лет 25 тому назад по отношению к экспериментальной психологии у нас в России происходили такие же споры, какие в настоящее время происходят по отношению к прикладной психологии. И тогда одни слишком преувеличивали значение экспериментальной психологии, другие ставили ее ни во что. В настоящее время одни находят, что кроме прикладной психологии, другой психологии, собственно, не должно быть, но есть и такие, которые думают, что прикладная психология не имеет никакого значения. Мне, кажется, что мы должны решить, какое положение прикладной психологии следует считать нормальным, в какой мере она может применяться для практических целей.

Предполагая рассмотреть положение вопроса о прикладной психологии в Германии и Америке, я имею вполне определенный материал; но если бы я поставил вопрос, в каком положении находится прикладная психология в России, то я убежден, что многие из присутствующих здесь ответили бы на этот вопрос полным незнанием. Мы сейчас не имеем никаких сведений о том, что делается у нас в России по отношению к прикладной психологии. Мы знаем, что различные приборы, таблицы для исследования личности пользуются широким распространением, но как они применяются в педагогической практике, об этом мы ничего определенного не знаем. И это очень жаль, потому что при таких условиях нам очень трудно помочь педагогам разобраться в этом вопросе.

Весной этого года я случайно попал в один уездный город, где, между прочим, есть женская гимназия, и начальница гимназии сообщила мне, что в прошлом году преподаватель педагогики приобрел аппараты для экспериментально-психологических исследований и стал при преподавании педагогики пользоваться этими аппаратами. Он научил учениц 8-го класса приемам экспериментально-психологического исследования и затем даже стал приглашать родителей для того, чтобы давать им советы по поводу тех исследований, который он производил над их детьми, исходя, конечно, из

предположения, что методы, им применяемые, имеют строго научный характер и что он с чистой совестью может их применять. Я случайно попал в этот город, где нашел такое широкое приложение прикладной психологии и совершенно не знаю, есть ли этот город единственный в России, или таких городов много. Я даже, признаюсь, никак не могу представить, что именно этот педагог мог говорить родителям, производя исследования над детьми и что, собственно, узнают родители, если на основании экспериментально-психологических исследований им сказать, что у их ребенка механическая память хороша, или комбинаторная способность плоха и т.п.

Вот то единственное, что я знаю о приложениях, который делаются из прикладной психологии в России. Мне кажется, что нам следовало бы внести полную определенность в этот вопрос, именно выяснить, до каких пределов прикладная психология может быть приложима и кто, собственно, должен заниматься прикладной психологией в целях практических. Я думаю, что этот вопрос легче решить, если рассмотреть, что говорят по этому вопросу в Германии и в Америке. Начнем с Германии.

Что делается в Германии, на родине экспериментальной психологии? Прежде всего, во многих университетских психологических лабораториях вопросы прикладной психологии подвергаются научному исследованию. Есть специальные институты (правда, пока очень скромных размеров), посвященные вопросам прикладной психологии; я имею в виду институт прикладной психологии в Берлине, руководимый Штерном и Липпманом. Есть специальный журнал, посвященный вопросам прикладной психологии (*Zeitschrift für angewandte Psychologie*). Учителя в некоторых местах, между прочим, в Лейпциге, образовали союз, Ферейн, который организовал психологическую лабораторию на собственные средства для разработки датской психологии. В Бреславле проф. Штерн и его ассистент Бобертаг произвели ряд исследований по применению тестов Бинэ-Симона⁴.

⁴ Об этом см. *Zeitschrift für angewandte Psychologie* V.V.H. 2.

В Германии научные исследования по прикладной психологии производятся в достаточной мере, но положение вопроса о практической приложимости прикладной психологии очень ярко выразилось на съезде в Дрездене, который был устроен союзом Bund für Schulreform, имеющий целью, как показывает название, создать школьную реформу.

В этот союз входят педагоги, врачи и многие из немецких психологов. На указанном съезде разбирались только два вопроса. Одним из этих вопросов был вопрос о значении исследования одаренности для школ⁵. Сущность этого вопроса, который обозначался у них как *Intelligenzproblem und Schule*, заключалась в том, следует ли в школе применять измерение одаренности, имеет ли это какое-нибудь практическое значение и т.п. Вопрос был поставлен вполне своевременно. Интересно было мнение как специалистов-психологов, так и мнение педагогов по этому вопросу. На эту тему было прочитано два доклада. Один принадлежал Штерну, а другой Мейману. Штерн в своем докладе⁶ поставил вопрос: какое значение имеет исследование интеллектуальных особенностей ученика для школы. Если бы измерение одаренности было возможно, то оно имело бы своим последствием то, что можно было бы индивидуализировать обучение, т.е. достигнуть идеала, который поставляет современная педагогика. Следует отметить, что Штерн, говоря об исследовании умственных способностей, употребляет немецкий термин «*Intelligenz*», причем «*Intelligenz*» отличает от таланта (*Talent*) и говорит, что для исследования таланта у нас еще методов нет; нужно ожидать, пока их выработают. Для исследования же «интеллигенц»⁷ действительно имеются вполне определенные методы и такими методами Штерн считает методы Бинэ-Симона. Методы Бинэ-Симона действительно достигают всего того, что в настоящее время может быть достигнуто. Но при оценке значения методов Бинэ-Симона Штерн делает следующие

⁵ Отчет об этом съезде см. *Arbeiten des Bundes für Schulreform. Erster Deutscher Kongress für Jugendbildung und Jugendkunde zu Dresden. Oktober 1911*. Там же отдел: *Intelligenzproblem und Schule*.

⁶ Стр. 8-я указ. сборника «*Fragestellungen, Methoden und Ergebnisse der Intelligenzprüfung*».

⁷ Немецкий термин *Intelligenzprüfung* я перевожу «Исследование умственной одаренности», но думаю, что правильнее было бы переводить «исследование ума».

ограничения: прежде всего применение этих методов не имеет характера автоматического, т.е. применение их не так просто, чтобы ими можно было пользоваться с большой легкостью даже тем, кто мало опытен в экспериментальной психологии.

Кроме того результаты, полученные при помощи этих методов, не имеют самостоятельного значения. Они имеют значение только *дополнительное* к тем данным, которые получаются независимо от этого метода. Отметивши такое значение, — а мы увидим, как относятся к этому замечанию Штерна педагоги, — он ставит вопрос о научной разработке отдела психологии, который называется «Jugendkunde», т.е. психологии детского возраста, и находит, что до сих пор этот отдел психологии педагогов и врачи разрабатывали как нечто любительское и нечто побочное для себя. Специалисты-психологи, которые избрали психологию целью своей жизни и число которых можно перечесть по пальцам одной руки, этим очень мало занимались. Правда, что препятствием для этого является то обстоятельство, что педагогическая психология в немецких университетах не занимает подобающего места, т.е. ей не отводится самостоятельного значения. Штерн находит, что нужно было бы устроить институты детской психологии при университетах. Такие институты нельзя, разумеется, отождествлять с психологическими семинариями при университетах. Штерн предполагает специальные институты для исследований с большим персоналом ассистентов, статистиков и т.п. Но наряду с этой теоретической разработкой, по мнению Штерна, надо было бы внести еще попытку и практического применения тех или других методов. Но говоря о практическом применении методов, Штерн вносит предложение в высокой мере интересное. По его мнению, при школах следовало бы ввести то, что он по-немецки называет *Schulpsychologisches Amt*, т.е. должность «школьного психолога», параллельно должности школьного врача. Это то, что в Америке называют «психолог-консультант», т.е. специалист-психолог, прошедший определенную строго научную школу. Он находится при каком-нибудь учебном заведении и занимается всем тем, что относится к детской душе, т.е. исследует умственные способности, ставит тесты и т.п.

Это требование психолога-консультанта, как мы увидим, идет из Америки⁸. Вот те соображения, которые были высказаны Штерном по отношению к экспериментальному исследованию одаренности или «интеллигенц». Говоря о необходимости исследования одаренности, Штерн проводит ту мысль, что хотя эти исследования имеют вспомогательное значение, однако они необходимы потому, что современный учитель сам по себе, при обычных условиях, не может получить полной картины одаренности при помощи простого наблюдения. Вспомогательным, дополнительным, но очень важным приемом является именно исследование при помощи тестов. После Штерна говорил Мейман. Он предложил новый метод для исследования одаренности. Его метод базируется на том соображении, что одаренность характеризуется творчеством или самостоятельностью и продуктивностью мышления. Ум, который идет по избитому пути, ум, который берет известные понятия во внешнем сходстве, есть мало одаренный (unintelligent). Напр., если ребенку предложить из двух слов: «Katze, Schläge»: «кошка», «побой», образовать какое-нибудь суждение, то мало одаренный ребенок скажет: «Кошка получает побои», а ребенок более одаренный непременно укажет, когда, где и в каком случае кошка получает побои. Он скажет, напр., кошка получает побои в том случае, если она полакомилась. Это есть бесспорное проявление некоторого творчества. Если предложить ребенку образовать суждение из слов «Himmel и rot», то некоторые дети говорят «небо красное» и больше ничего. Ребенок одаренный скажет: «Небо бывает красным в то время, когда солнце находится на горизонте, и когда оно светит через туман или через слой паров»⁹.

Верно ли говорил Мейман или нет — разбирать я не стану. Для меня важно то, что Мейман явился в учительскую среду именно с определенной мыслью, что у него есть средство, при помощи которого можно определять одаренность.

После этих двух докладов происходил обмен мнений. Обмен мнений был весьма оживленный: в обсуждении принимали участие 19 педагогов и психологов. Мнения, ими

⁸ Об этом см. мой «Сборник статей», стр. 198.

⁹ Его статья «Die Untersuchung der Denkhätigkeit als Methode der Intelligenzprüfung».

высказанные, были очень разнообразны, но их все же можно сгруппировать приблизительно следующим образом.

Прежде всего, было высказано сомнение относительно возможности определять *Intelligenz* учащихся в школе в то время, как неизвестно, что нужно понимать под именем *Intelligenz*, и в самом деле психологи его не знают и употребляют в популярном, а не научном значении. Второе возражение заключалось в следующем. Психологи очень озабочены тем, чтобы определить у ребенка его «*Intelligenz*»; по их мнению, как будто бы этим исчерпывается вся личность ребенка. Между тем в школе проявляются и другие стороны душевной жизни ребенка, которые представляют также громадный интерес, и поэтому, если заниматься только умом ребенка, то получится крайний интеллектуализм. Третье возражение было направлено против предложения Штерна, чтобы была учреждена должность психолога-консультанта. Педагоги указывали на то, что у них и без того очень много всякого начальства. Если появится еще психолог, который будет над ними начальником, то самостоятельность педагога потерпит большой ущерб, и поэтому желательно, чтобы это *Schul-psychologisches Amt* не было осуществлено.

Вот, собственно, 3 точки зрения, которые можно было отметить в этом разнообразии мнений, предложенных психологами и педагогами, но некоторые из них заслуживают того, чтобы рассмотреть их в отдельности.

Гаубих, *Schulrat* из Лейпцига, свой взгляд на психолога-консультанта формулировал так: «Что же такое это *Schul-psychologisches Amt*. Это не что иное, как коллегия, которая работает психологически планомерно». Он хотел сказать, что педагогический совет является воплощением этой должности, и больше ничего другого не может быть, т.е. высказался против допущения отдельного лица в качестве психолога-консультанта.

Зенгер, другой педагог, находит, что исследование одаренности требует огромной массы психологических и медицинских сведений, и что необходимо иметь соответствующие силы, которые могли бы овладеть этой областью. В современной школе

нет возможности определить степень ума учащегося. Он надеется, что впоследствии будет обращено больше внимания на исследование одаренности.

Мутезиус, педагог из Веймара, высказался приблизительно в следующих выражениях: «Современная психология собственно не оказывает нам решительно никакой помощи в том случае, когда мы желаем узнать личность ребенка», «и я совсем не согласен с мнением Штерна, который утверждает, что повседневный опыт педагога не дает ему возможности ознакомиться с личностью ребенка. Как раз наоборот: в постоянном соприкосновении с жизнью ребенка педагог имеет достаточно данных для того, чтобы узнать индивидуальность ученика. Конечно, я признаю, что психологическое знание углубляет этот опыт и что учитель должен быть психологически образован, но нельзя рекомендовать создание особых школьных психологов, психологов-специалистов».

Затем говорил *Алоиз Фишер*. Это психолог, который писал по вопросам педагогической психологии. Он сделал следующее замечание: «Разработка тестов» нуждается в теоретическом обосновании, которого мы в настоящее время не имеем. Понятие «*allgemeine Intelligenz*», т.е. «общая одаренность», нуждается также в расчленении, потому что в действительности психологи, занимающиеся исследованием одаренности вместо того, чтобы употреблять это понятие в том смысле, как оно должно было бы употребляться в психологии, употребляют его в общепринятом смысле, т.е. как это нужно для практики, но вовсе не так, как нужно было бы определять в науке. Если бы в настоящее время произошел конфликт между взглядами педагога, который узнает ребенка при многократном с ним соприкосновении, и между взглядами на его одаренность со стороны психолога, узнающего его при помощи исследования в несколько часов, то мы конечно ни на минуту не поколебались бы признать, что педагог более прав, чем психолог, а между тем нужно было бы, чтобы было наоборот. «Если бы, говорит он, психологические исследования имели реальное значение, если бы мы могли оказывать доверие тестам — а это является, конечно, необходимым требованием в такой

ответственной области, как педагогика, — то мы бы при указанном мною столкновении оказали предпочтение психологам, а не педагогам, подобно тому, как это обстоит в настоящее время по отношению к врачу. Если оказывается противоречие между мнениями врача и не-врача, мы скорее оказываем доверие врачу, чем не-врачу, а по отношению к психологам в настоящее время дело обстоит как раз наоборот».

Следующим говорил *Эльзенганс*; это известный философ, в то же время психолог и читает курсы по педагогике. Он точно таким же образом ставит вопрос. «Что же является последним мерилom при оценке одаренности? Все-таки окончательное решение принадлежит педагогам, потому что методы исследования и применения тестов основываются, прежде всего, на той оценке одаренности, которую дает учитель. Между тем психологи заняты тем, чтобы оценку учителя, его взгляды, заменить какой-то более точной оценкой. По мнению *Эльзенганса*, следует признать, что хотя бы методы экспериментального исследования были очень точны, тем не менее, никогда личность ребенка не будет определяться исключительно на основании экспериментальных исследований, т.е. они могут являться чем-нибудь дополнительным, ни в каком случае самостоятельного значения они приобрести не могут.

Грюпер, директор из Йены, высказался в такой образной форме против психологов-консультантов в школе: «Прежде мы имели начальство в лице *allgemeiner Inspector*, а в настоящее время требуют еще, чтобы был *Religionsinspektor*, *Zeicheninspektor*, *Turninspektor*, а с медицинской стороны требуют, чтобы наряду со школьным врачом были психиатры, ортопеды, глазные врачи и т.п., а тут еще новое начальство в лице психолога-консультанта. Это невозможно; единство школы при таких условиях было бы нарушено. Я считал бы гораздо более целесообразным вместо учреждения должности психологов-консультантов, чтобы директор, учителя, вообще руководители школьного дела, были снабжены большим количеством психологических знаний. Для этого было бы необходимо учреждение специальных институтов,

необходимо учреждение особых педагогических факультетов, в чем, — как говорит Трюпер, - Америка нас опередила».

Педагог *Граупер* тоже признал необходимость устройства таких институтов для изучения детской души, в которых психолог, врач и педагог работали бы рядом друг с другом и где каждый учитель и врач мог бы получить солидное образование.

Затем *Шварц* указывает: «Я признаю, что каждый учитель должен быть знаком с методом исследования одаренности. Не может быть индивидуализирования в преподавании до тех пор, пока нет точных методов исследования одаренности». Из этих положений он делает вывод: «Следовательно, в настоящее время нет правильного обследования для разделения учащихся на группы», другими словами: он не признает, что в настоящее время есть какой-нибудь точный метод исследования одаренности.

После этого замечания педагога слово было предоставлено Штерну, и он еще раз высказал свой взгляд на значение психологии для педагогики или, вернее, на значение для педагогики методов исследования одаренности.

«Мы были до сих пор так погружены в разработку чисто теоретических вопросов, что даже и не заметили, как в наши двери стали стучаться некоторые практические, культурные вопросы». Отдельные педагоги-реформаторы на свой собственный страх стали заниматься разработкой детской психологии. Что это не всегда делалось с должной критической осторожностью и с достаточной научной подготовкой, это всем нам очень хорошо известно. «*Мне стоит напомнить*, говорит Штерн, *о той вере в „экспериментальную дидактику“*, которая может сразу опрокинуть все педагогическое здание. *Здесь в самом деле была опасность вследствие преувеличений*¹⁰». «Но, говорит он, этот Sturm und Drang Periode уже прошел благодаря активному вмешательству научной психологии, и отныне мы можем надеяться, что совместная работа педагогов и психологов все-таки приведет к благотворным последствиям». Для Штерна было несколько неожиданно, что его взгляд о психологе-консультанте не был принят

¹⁰ То же самое, как известно, было и у нас в России.

педагогами, между тем Штерну было важно отметить, что исследование одаренности можно поручить только специалистам-психологам, но не педагогам просто. И вот в заключительном слове он хотел несколько сгладить неблагоприятное впечатление заявлением, что совместная работа педагога и психолога, конечно, возможна, и, по его мнению, они друг другу мешать не будут.

После этого съезда в Дрездене, который был в октябре 1910 г., в апреле 1911 г. должен был в Берлине состояться 5-й Съезд «Немецкого Общества Экспериментальной Психологии». И, конечно, многим из нас, кто интересуется ходом развития психологии в Германии, было интересно знать, как на этом съезде отнесутся к прикладной психологии.

Этот съезд показал, что прикладная психология уже заняла очень почтенное положение в Германии. На Берлинском съезде уже был особый отдел прикладной психологии и была организована довольно большая выставка прикладной психологии, из чего видно, что немецкие психологи, так сказать, официально признали научное значение прикладной психологии; но, с другой стороны, несколько поражало то, что на этом съезде докладов по прикладной психологии сравнительно было мало. Я укажу на блестящую речь Марбе; он говорил о психологии и ее приложимости. Эта речь была очень интересна, но те вопросы, которые нас как раз занимают, едва были затронуты. Он указал, что психология может иметь значение для педагогов, но подробностей не коснулся.

Затем было одно исследование Бюлера, также представляющее большой интерес. Он искал признаки одаренности и, как мне представляется, нашел совершенно определенные признаки именно в «способности абстракции». Способность абстракции, как оказалось, по его исследованиям, растет вместе с возрастом. Это является показателем того, что вместе с умственным развитием возрастает способность абстракции.

Вопросу же об исследовании одаренности был посвящен всего-навсего один доклад Штерна, повторение того самого доклада, который он читал в Дрездене. Я,

признаюсь, ожидал большего. Мне казалось, что в Германии сейчас интерес к прикладной психологии гораздо больше, и вдруг только один доклад. Разумеется, было очень интересно выслушать те замечания, какие сделают психологи. Штерн, боясь очевидно, что будет очень много возражений, сам сделал, как он выразился, несколько *Warnungen*, несколько предупреждений, но оппоненты в свою очередь сделали ему достаточное число возражений против практической приложимости и т.д.

Наиболее интересное замечание сделал Хорнбостель, который занимается антропологией и психологией народов. Он, между прочим, сообщил, что, пользуясь методом тестов, исследовал недавно самоедов. Из его исследований оказалось, что тесты, которые применимы к культурным народам, нуждаются в значительном изменении, если мы пожелаем применить их к народам некультурным. Если я к этому прибавлю, что и Марбе в своей речи предостерегал от дилетантизма в области прикладной психологии, — этот же термин «дилетантизм» употребил в своих замечаниях и Мюнстерберг, который говорил о прикладной психологии, — то отношение немецких психологов к прикладной психологии делается совершенно ясным. Научное значение они ей бесспорно придают, но в то же время они не думают о широком практическом применении. Но чтобы вы не подумали, что я излагаю результаты работ съезда в субъективной форме, я приведу слова одного из участников этого съезда, который изложил отчет в официальном органе представителей экспериментальной педагогики, в «*Zeitschrift der pädagogischen Psychologie*», журнале Меймана. Он там говорит: «Берлинский конгресс пришел к официальному признанию прикладной психологии, но, конечно, при этом предостерегал от переоценки даваемых в настоящее время результатов. Обладание действительно удостоверенными фактами в этой области в настоящее время относительно невелико, что в такой юной науке и неудивительно. Но ведь ничего нет опаснее, как пользование недоказанными положениями в практике.

Самая строгая самокритика может предохранить от того, чтобы психология не потеряла кредита вследствие ошибочных приложений¹¹».

Вот собственно результаты, к которым пришли на Берлинском съезде по вопросу о прикладной психологии. Я вынес впечатление, для меня очень отрадное, что в германской психологии в настоящее время дело обстоит таким образом, что немецкие психологи все-таки считают основной, главной, — экспериментальную теоретическую психологию. Тот, кто присутствовал, не мог бы сказать, как иногда в России говорят: «теперь теоретическая психология отступает на задний план. Единственно интересной и, может быть, единственно заслуживающей внимания является прикладная психология». Кто был на этом съезде, тот не скажет этого. Прикладная психология была признана научной отраслью, но главные темы вращались около вопросов, имеющих экспериментальный теоретический характер.

Теперь я перейду к рассмотрению положения вопроса о прикладной психологии в Америке. В Америке прикладная психология пользуется гораздо большим распространением, чем в Европе, по причинам вполне понятным. Это я говорю не в осуждение американцев, но для характеристики особенностей их жизни. Надо заметить, что хотя большинство американских университетов в цветущем состоянии, но в материальном отношении они находятся в зависимости от отношения к ним большой публики, от той материальной поддержки, которую она оказывает университетам прямо или косвенно. Если народ признает полезной деятельность университетов в каком-либо отношении, он жертвует на университеты, не признает полезными — не жертвует и не поддерживает. Публика ищет практических вопросов, и люди науки поставлены в необходимость до некоторой степени применяться к тому, чего требует публика. Этим отчасти объясняется тот факт, что в Америке прикладная психология пользуется гораздо большей распространенностью, чем в Европе, но при этом следует отметить, что в Америке приняты все меры к тому, чтобы придать ей вполне научный характер. Все

¹¹ См. ст. Iesinghaus'a «Die Arbeiten des V. Kongresses für experimentelle Psychologie», ук. журнал 13 Jahrg. Heft 6. стр. 289.

американские психологи образуют один союз — который называется «Американская Психологическая Ассоциация», и они условились все тесты производить по одному образцу, выработанному известной комиссией: благодаря этому и результаты могут быть значительнее, и к окончательному разрешению вопросов прикладной психологии можно прийти гораздо скорее¹². Мы замечаем за последнее время, — я говорю о последнем годе — что у них сделано чрезвычайно много для выяснения практической приложимости тестов Бинэ-Симона; так много цифр и данных собрано, какие могут быть именно только в Америке. Американские психологи, занимающиеся вопросами прикладной психологии, пришли к убеждению, что при помощи метода Бинэ-Симона можно произвести деление детей в классе¹³. И это у них до такой степени пользуется распространением, что на летних курсах для учителей — что у них тоже очень распространено — при университетах педагогов знакомят с этими методами исследования. Так, например, в объявлении Cornell University относительно летних курсов сказано, что университетом устраиваются курсы по прикладной психологии для учителей, для инспекторов, для директоров; эти последние будут на курсах ознакомлены с методами исследования одаренности, по преимуществу по методу Бинэ-Симона, и будет обращено особое внимание на приложение этих методов к исследованию дефективных детей. Если от имени университета это предлагается учителям, притом известными психологами, то это значит, что ознакомление с этими методами учителей признается чрезвычайно важным.

Если бы я назвал ряд имен американских психологов, то многие узнали бы среди них имена, которые принадлежат к очень солидным исследователям в области прикладной психологии, напр.: Торндайк, нью-йоркский психолог, Уипл, Стэнли Голл, Ястров, Кеттэл, Сишор, Годдард, который производил обширные исследования в одной детской больнице в Вайнленде, в штате Нью-Джерси, относительно применимости методов Бинэ-Симона и пришел к тому убеждению, что метод Бинэ-Симона вполне приложим для определения умственной отсталости. Затем следует назвать директора

¹² Об этом см. мой «Сборник статей», стр. 205.

¹³ Об этом см. ряд статей за 1912 год в журнале «Educational Psychology».

психологической клиники при Филадельфийском университете Уивера и директора психологической клиники при Питтсбургском университете Уоллина.

На съезде американских психологов в Вашингтоне в 1912 г., как это видно из отчета Сишора, внимание всех было направлено на прикладную психологию; вопросы, которые привлекли общее внимание, были вопросы о применении психологии к педагогике¹⁴.

Проф. Сишор, который с большим сочувствием отмечает это явление, уже второй раз выступает с предложением ввести так называемых психологов-консультантов. Я позволяю себе обратиться на это ваше внимание, потому что здесь значение прикладной психологии доводится до своих крайних пределов. Сишор думает, что хотя прикладная психология находится в начальной стадии развития, однако все-таки теперь наступило время для того, чтобы среди психологов явились, как он их называет, «техники», т.е. те, которые прилагали бы психологию к жизни. Но какие функции могли бы быть приписаны этому «технику»? Сишор находит, что психолог-консультант мог бы руководить разными работами по исследованию, мог бы в отдельных случаях сам исследовать; он мог бы в разных учреждениях, где есть уход за детьми, обучать, как специалист, психологии тех лиц, которым поручено воспитание. «Требование такого психолога», говорит он, «не является вовсе экстравагантным. Я думаю, что дамам можно было бы рекомендовать это привлекательное занятие». Но, как американец, он не забывает о жаловании. Жалованье должно быть приблизительно такое, как у врача, чтобы придать этой психолого-консультантской профессии некоторую устойчивость.

Прикладная психология в настоящий момент имеет еще одну очень большую сферу приложения. Об этом мы узнаем из только что вышедшей книги Мюнстерберга, которая называется «Психология и хозяйственная жизнь» — «Psychologie und Wirtschaftsleben», 1912. Как известно, Мюнстерберг, будучи немцем по происхождению, читает лекции в американском университете и то, что он пишет, имеет отношение к

¹⁴ Об этом см.: «Educational Psychology», 1912. № 2. стр. 120.

Америке. Вот что он говорит о задачах этой новой психологии, которую я назвал бы по-русски «хозяйственной психологией». На долю психологических тестов в применении к педагогике выпала удивительная судьба: одни, по мнению Мюнстерберга¹⁵, их очень переоценивают, а другие резко отклоняют. В педагогике действительно применение тестов может быть затруднительным, но есть область, где тесты можно было бы применять совершенно легко: это при выборе тех или других профессий. В Америке есть такие учреждения, где подают советы, кто пригоден к какой профессии, это так называемый Vocation Bureau. В функционировавших до сих пор бюро пригодность к той или другой профессии определяется при помощи простого опроса и при помощи определения физических особенностей индивидуума. А то, о чем говорит Мюнстерберг, есть уже исследование чисто научного характера. По мнению Мюнстерберга, определить те психические особенности, которые делают пригодными для какой-нибудь профессии, очень нетрудно. По его мнению, определить одаренность в школе очень трудно, а сказать, кто к какой профессии может быть пригоден, — не трудно; для этого есть совершенно ясные психологические признаки, которые мы можем определить при помощи экспериментально-психологического исследования. Такого рода исследования, по мнению Мюнстерберга, являются необходимым требованием поднятия производительности труда на фабриках, заводах. Например, есть такие профессии, в которых рабочие должны применять непременно дистрибутивное внимание, т.е. внимание, которое распределяется между множеством предметов, напр., множеством частей машин, за которыми он должен следить и вмешиваться в их действие. Есть и такие профессии, в которых нужно концентративное внимание, т.е. где нужно сосредотачиваться только на одном пункте. Если данному рабочему присуще, напр., концентративное внимание, то он является малопригодным для такой профессии, в которой нужно дистрибутивное внимание. Отсюда следует, что вообще необходимо исследовать психофизические особенности данного индивидуума для того, чтобы

¹⁵ См. его статью «Experimentalpsychologie und Berufswahl» в «Zeitschrift für Pädagogische Psychologie». 1912. Н. I.

определить пригодность его к той или иной профессии. Вот пример, который приводит Мюнстерберг для доказательства правильности этой мысли.

Во многих профессиях необходима способность человека сразу ориентироваться, т.е. то, что мы называем «находчивостью». Надо знать, находчив данный человек или не находчив. Мюнстерберг предлагает очень простой способ для этого исследования. Он берет 24 карточки; на этих карточках написаны буквы, главным образом гласные: *a, e, o, u*, но распределены они таким образом, что на одной карточке одна гласная, напр., *a* повторяется 21 раз, а на остальных по 9 раз; другая гласная на одной карточке повторяется 18 раз, а на остальных по 10 раз и т.п. Эти карточки перетасовываются и испытуемому предлагается, чтобы он как можно скорее разложил их в 4 пачки, но так, чтобы карточки с преобладающими буквами попали в одну пачку. Для того, чтобы определить, кто эту работу сделает скорее, кто медленнее, время измеряется при помощи секундомера.

Во время опыта резко выразились индивидуальные особенности. Некоторые сейчас же до такой степени теряются, что никак не могут разобраться, что им нужно делать; другие начинают делать с такой медленностью, что проходит много времени над разрешением задачи. Наконец, третьи считают это для себя удовольствием, сразу решают задачу или делают это с большой быстротой. По мнению Мюнстерберга, при помощи такого эксперимента можно определить, кто более находчив и кто менее¹⁶. Но этого мало. Мюнстерберг пытается определить при помощи экспериментально-психологических приемов пригодность к определенной профессии. Я приведу два примера исследований Мюнстерберга в этой области. Он исследовал, прежде всего, вагоновожатых. Какая-то трамвайная компания обратилась к нему с предложением, чтобы он исследовал и определил, кто может быть наиболее пригодным для занятия этой должности. По легко понятным причинам экономического характера для трамвайных обществ весьма важно иметь надежных вагоновожатых. Для этого нужно знать

¹⁶ Там же. стр. 5.

признаки, по которым можно отличать надежных вагоновожатых от ненадежных. Мюнстербергу было предложено, чтобы он произвел такого рода исследование признаков, при помощи которых это можно было бы сделать. Мюнстерберг воспользовался следующим экспериментальным приемом. Этот эксперимент должен был быть экспериментом лабораторным — так по крайней мере думал Мюнстерберг, — но таким лабораторным, который напоминает собой тот психологический процесс, который переживает вагоновожатый. Мы заранее можем сказать, что люди отличаются по скорости реакции, и, конечно, вагоновожатый, который может быстро повернуть рычаг, гораздо лучше, чем тот, у которого реакция будет очень медленна; последний может легко привести к несчастью. Но этого мало; все-таки одной простой реакцией нельзя определить тот сложный психологический комплекс, который может быть у вагоновожатого. Мюнстерберг решил в миниатюре устроить то, что бывает в жизни. Он взял карточки длиной в 26 сант. и шириной в 9 сант. Они разделены на квадратики в один сантиметр. По середине проходят 2 толстые линии на расстоянии одного сантиметра друг от друга; это символизирует рельсы. В каждом квадратике помещается какая-нибудь цифра — 1, 2, 3. 1 обозначает пешехода, 2 — экипаж, 3 — автомобиль, т.е. по скорости в то время когда один делает шаг, другой делает 2, третий — три. На карточке те пешеходы, экипажи и автомобили, которые идут параллельно рельсам, изображены черными цифрами, а те пешеходы, экипажи и автомобили, которые идут перпендикулярно рельсам, изображены красными цифрами. На них испытуемый должен обратить особенное внимание. Лицам, над которыми производится эксперимент, все это сообщают. Они должны обратить внимание на то, что опасность заключается в тех цифрах, которые обозначены красным, причем таким образом, если красная 1 находится на первом квадрате — есть опасность, потому что пешеход на расстоянии одного квадрата может попасть под вагон. Если на расстоянии двух квадратов, то это не опасно. Если экипаж находится на расстоянии двух, а автомобиль на расстоянии трех квадратов — то это опасно. Если автомобиль находится на расстоянии четырех квадратов — не опасно и

т.п. И вот испытуемый, как только заметит такие опасные случаи, должен сигнализировать, сказать, что есть опасность. Таких карточек готовится 12 штук. На них наносятся разные комбинации. Эти карточки вращаются на валике, который испытуемому предлагается вращать со скоростью, какой он желает, а в окошечко он видит появление этих карточек. Таким образом, получается как будто в миниатюре весь процесс езды на трамвае. Если он не увидит опасного пункта, то продолжает вращать валик, если увидит — выкрикивает: это отмечается на часах. Инсценировав таким образом езду на трамвае, Мюнстерберг исследовал очень многих из тех, которые находились на действительной службе, и тех, которые были признаны плохими вагоновожатыми, и тех, которые были признаны хорошими. Оказалось, что по его исследованию действительно в большинстве случаев хорошие вагоновожатые делали мало ошибок и замечали опасность в короткий промежуток времени, а плохие, оказалось, сразу же теряются, если только увидят опасный пункт; они настолько теряются, что уже дальше, следующую карточку переворачивают, но совершенно не сигнализируют, хотя бы на этом месте была опасность; третьи же делают с такой медленностью, которая совершенно ясно показывает, что они очень медленно соображают. По мнению Мюнстерберга, это вполне ясно доказывает, что есть некоторое соответствие между реальными условиями и между условиями лабораторными, что лабораторные условия показали бесспорную пригодность одних и непригодность других, но при этом прибавляет. «Конечно, об идеальном соответствии речи быть не может, но, по крайней мере, есть такое соответствие, которое побуждает нас идти дальше по этому пути исследования»¹⁷. Затем Мюнстерберг исследовал по предложению одной телефонной компании условия наибольшей пригодности к несению телефонной службы. Решение этого вопроса имеет огромное экономическое значение. Так напр., Bell Telephone Company имеет 16 000 телефонисток, и, разумеется, среди них иметь непригодных весьма нежелательно для компании. Мюнстербергу было предложено, чтобы он

¹⁷ Psychologie und Wirtschaftsleben, 1912, стр. 54.

исследовал пригодность или непригодность к этой профессии. И Мюнстерберг исследовал память, внимание, быстроту и точность движений. Эти последние он исследовал таким образом. На доске рисуется маленький крестик, и испытуемые должны карандашом попасть как раз в середину крестика, причем определяется время, необходимое для совершения этого действия, и точность движения. После своих исследований Мюнстерберг пришел к убеждению, что лабораторным способом можно определить пригодность к профессии телефонисток. Общество, желая проверить его исследования, прислало ему, без его ведома таких телефонисток, которые уже были на хорошем счету. И Мюнстерберг говорит, что исследование их привело к результатам вполне благоприятным для его метода исследования; но, впрочем, прибавляет он, когда вновь поступали на службу на основании его рекомендаций, то многие из тех, которым он дал плохие аттестаты, оказывались хорошими, а те, которых он аттестовал, как прекрасных, оказались только посредственными¹⁸.

Вот еще исследование, которое приводит Мюнстерберг, и которое, по-видимому, является бесспорно важным доказательством значения экспериментальных методов исследования для повышения производительности труда. Это сделал Тайлор, американский психолог, на одном заводе, где изготовлялись ядра. Ядра, которые пускаются в обращение, должны быть исследованы по отношению неровности. Этим занимаются на указанном заводе 120 работниц. Тайлору предложили, чтобы он исследовал условия наибольшей производительности этого вида труда. Он стал исследовать, при каких условиях можно было бы наилучшим образом производить эту работу. Измеривши время реакции, составивши кривую усталости и т.п., он научил работниц работать по иному способу, т.е. по тому способу, который он, Тайлор, выработал. И оказался следующий любопытный результат: вместо 10-часового труда он ввел 8-часовой труд и вместо 120 работниц — 35 работниц, которые работали при указанных им условиях, т.е. 8 часов с определенными паузами, соответствующими

¹⁸ Там же, с. 70.

кривой утомляемости. Оказалось, что 35 работников при сокращенном дне вырабатывали столько, сколько вырабатывали раньше 120 работниц¹⁹. Этот случай заставляет думать, что если бы вообще во всех производствах принимали участие психологи, которые изучали бы психофизические условия движений, то производительность труда была бы повышена. По этому поводу Мюнстерберг приводит слова одного американского экономиста, который говорит, что та нация в мире одержит экономический перевес над всеми другими, которая откроет этот секрет наибольшей производительности при помощи исследования движений, а Мюнстерберг к этому прибавляет: «И если будут изучены также и психофизиологические моменты, принимающие участие в работе. Если эта задача будет разрешена, то вполне понятно, что на фабриках и заводах должно явиться еще одно новое лицо; кроме наличного количества инженеров должен еще явиться специалист психолог-консультант, т.е., так сказать, новый инженер, который должен будет равным образом специализироваться: один психолог будет исследовать работу с машинами, другой — утомляемость и т.д.». Таких инженеров должно быть очень много, и они должны, по мнению Мюнстерберга, за свою работу получать гонорар подобно инженеру или врачу, и такая наука, которую Мюнстерберг называет хозяйственной психологией, должна в ближайшем времени возникнуть. «Конечно, говорит Мюнстерберг, сейчас мы не можем сказать, что такая наука закончена, теперь есть только общие очертания, но можно надеяться, что настанет время, когда эта психология примет законченные формы и когда „хозяйственная психология“ сделается чрезвычайно важной отраслью психологии»²⁰.

Теперь я остановлю ваше внимание на взглядах американских психологов по вопросу о том, кто и как должен заниматься прикладной психологией.

В журнале Уипла «Educational Psychology» есть небольшая заметка под заглавием «Любитель и тесты Бинэ-Симона», написанная самим редактором. «Мы постараемся в нашем журнале познакомить читателей с тестами Бинэ-Симона, но будет вполне уместно

¹⁹ Вышеуказанная статья «Experimentalpsychologie und Berufswahl». Стр. 6-7.

²⁰ Там же, стр. 176-179 и стр. 1.

сделать несколько дополнительных замечаний относительно популяризации этого метода и относительно некоторых из последствий, вытекающих отсюда. Шкала Бинэ-Симона после нескольких испытаний ее авторами и различными психологами приближается к такому периоду, когда мы можем широко ею пользоваться в школах. Недавно штат Нью-Джерси издал постановление, чтобы во всех школах производились исследования над умственно-отсталыми». «Конечно, надо предположить, — говорит Уипл, — что для этой цели будет употребляться шкала Бинэ-Симона. Но кто будет вести это исследование? Вот вопрос. Наши учебные округа за немногими исключениями еще не ощутили настоящей необходимости в устройстве психологических клиник или бюро для изучения детей». Психологические клиники — это такие учреждения, в которых при помощи экспериментальных методов определяют умственную отсталость или вообще те или другие психологические дефекты. Так вот Уипл считает, что такого рода клиники должны быть устроены, по крайней мере, в больших округах. «Если нужно произвести психологические исследования, то они за отсутствием психологов попадут в руки школьного врача, что довольно плохо, или может быть в руки рядового учителя, что, пожалуй, еще хуже. Мы не оспариваем пользы употребления этой шкалы в школе. Если тесты употребляются как следует, то они имеют практическое значение, *если же они применяются не как следует, то они превращаются в комедию (farce) и способны дискредитировать психологию и замедлить ее движение в применении к учебной практике*». Затем Уипл замечает, что, конечно, тесты Бинэ-Симона внутренней трудности в себе не содержат, но в них есть источник ошибок, присущий вообще применению психологической процедуры, которая, как показывает опыт, может быть осуществлена только при помощи упражнений в психологической экспериментации. «Мы надеемся, — говорит он, — что шкала Бинэ-Симона будет иметь успех в школах. Если мы не можем надеяться на то, что психологи будут ее применять, то не можем ли мы, по крайней мере, надеяться на то, что учебное начальство будет посылать своих исследователей в какой-нибудь институт, где они могли бы изучить общую и

педагогическую психологию и специально поупражнялись бы в умении оперировать с тем, что собственно является тонким психологическим инструментом»²¹. Таким образом, по мнению Уипла, нельзя применение тестов поручать любому врачу или рядовому учителю, их может применять только лицо, прошедшее известную психологическую школу. Уипл думает, что если бы учебное начальство догадалось посылать своих учителей в разные институты, где они могли бы упражняться в психологической экспериментации, то этого было бы вполне достаточно. Но, как знают многие из присутствующих, этот вопрос именно у нас в России вызвал большие сомнения. Действительно, *кого признать специалистом, имеющим право производить эти исследования?* У нас в России рядовой учитель совершенно свободно берет на себя роль экспериментатора.

Приведу по этому же вопросу взгляд Уоллина, директора психологической клиники в Питтсбургском университете, в 4-м № того же журнала, в статье, которая озаглавлена «Признаки опасности в клинической и прикладной психологии». Он изображает эти опасности так: «Во время моей последней поездки, приведшей меня в различные штаты и города, в которых происходят психологические исследования дефектов, я заметил некоторую тенденцию, которая становится все более и более заметной и которая является зловещими признаком для будущности прикладной и в особенности клинической психологии. Каждый образованный человек считает себя вправе производить умственный диагноз, между тем как в то же время принято думать, что физический диагноз может производить только дипломированный врач. Этот взгляд возник частью вследствие популяризации и широкого распространения тестов Бинэ-Симона, которые по виду кажутся очень легкими для приложения, но я думаю, что всякий компетентный человек скажет, что душевную ненормальность распознать гораздо труднее, чем физическую. Было бы абсурдно, если бы, напр., физики или священники стали исследовать больного, прочитавши только одну книгу о диагнозах. Было бы еще

²¹ The Journal of Educational Psychology. 1912. № 2. Стр. 118.

абсурднее, если бы рядовой учитель или даже врач, не получивший специальной подготовки в психо-клинической методологии или в психиатрической методологии, взялся определять состояние умственно ненормальных, прочитавши какую-нибудь книгу о психологических тестах. Тесты Бинэ-Симона имеют очень ограниченное значение; они дают только приблизительное представление об умственном состоянии индивидуума и степени его отсталости и т.д., Кроме того, эти тесты дают первое, а не окончательное, последнее слово. По мнению Уоллина, не могут производить удовлетворительного исследования те, кто не обладает значительной опытностью в оперировании с различными видами умственных дефектов.

«Из того, что я сказал, следует, что в выборе руководителей для клинических работ и для исследований в настоящее время обнаруживаются большие неправильности», и он указывает с полной определенностью, кто к этому пригоден, кто не пригоден. Учителей, которые прослушали курс летнего семестра, где их знакомят с этими методами, он считает неудовлетворительными директорами или руководителями этих психологических клиник или бюро для исследования детей. Точно таким же образом он считает, что учитель, который провел год в учительском институте или психологической лаборатории, также непригоден для этого. «Конечно», говорит он, «они могут произвести рутинное исследование, т.е. по шаблону определить или классифицировать детей по методу Бинэ-Симона, но они совершенно неспособны к высшим функциям; они неспособны дать удовлетворительный психологический анализ. Для этого нужны лица, прошедшие хорошую психологическую школу».

С моей точки зрения, эти замечания являются чрезвычайно интересными для нас. Тут прямо выясняется, что если вы хотите вести настоящее исследование, составить психологический анализ, то для этого нужно знать гораздо больше, чем сколько можно знать, прослушав летний курс психологии, даже если изучить применение тестов. Мало быть один год в лаборатории, надо просто пройти хорошую психологическую школу. Рядовой учитель у нас считает себя вправе ставить психологические диагнозы; в

Америке заметили, что это является опасным для прогресса самой прикладной психологии²².

Теперь я хотел бы обратиться к вопросу, который составляет конечную цель моего доклада: как нам быть с вопросом о прикладной психологии. Можно ли нам, например, согласиться с Мюнстербергом относительно того, что психология в ближайшем будущем будет играть такую огромную роль в экономической жизни, и понадобятся ли такие психологи-консультанты, о которых он говорит.

Что касается опытов Мюнстерберга относительно находчивости, относительно пригодности к профессии вагоновожатых, телефонисток и т.п., то я их считаю неправильно поставленными. Его эксперименты относительно находчивости я считаю очень сомнительными потому, что лицо, которое быстро сортирует карты, при реальных условиях жизни может совсем не обнаружить быстрой сообразительности, в виду полного различия условий. И опыты относительно пригодности к той или иной профессии нужно производить не в психологической лаборатории, а при реальных условиях, на телефонной станции, в вагоне. Миллионные учреждения, какими являются телефонные или трамвайные компании, могли бы эти эксперименты поставить реально. Трамвайные компании могли бы отвести такие парки, в которых можно было бы исследовать способности вагоновожатых под руководством психологов, как это сделал Тайлор на заводе. Вообще же, что касается идеи необходимости изучать психофизические условия наибольшей производительности труда, то я ее считаю правильной. Нельзя, конечно, быть уверенным, что фабриканты захотят заводить у себя психологов, подобно тому, как они заводят своих химиков. Вероятно, они предпочтут прежний рутинный способ выбирать лиц, пригодных для той или иной профессии, но, тем не менее, надо признать, что в этой идее «хозяйственной психологии» нет ничего

²² У меня имеется «Программа для осмотра и отбора умственно-отсталых детей на приемных пунктах 1912 года», при городских школах в Москве. Кто занимается этим отбором умственно-отсталых, из программы не видно. Если этим занимаются рядовые учителя и учительницы совместно с рядовыми врачами, то заведующие школьным делом при московском городском общественном самоуправлении делают как раз то, что на основании опыта так резко осуждается американскими психологами.

абсурдного, я подчеркиваю: «хозяйственной психологии» потому, что практическое применение психологии я считаю вместе с Мюнстербергом более осуществимым в хозяйственной психологии, чем в педагогике.

Как быть теперь с вопросом о психологах-консультантах, т.е. признать ли их желательными или нет? Я думаю, что на этот вопрос нужно было бы ответить утвердительно; что психологи-консультанты нужны будут в более или менее близком будущем, в этом нет никакого сомнения. Мне кажется, что такое положение вещей, какое имеется у нас в настоящее время, продолжаться дальше не может. Конечно, нам следует устраивать такие учреждения, где отстающие дети должны быть исследуемы; не только в больших городах, в столицах, но и вообще в больших центрах должны быть бюро для исследования детей в психологических клиниках, подобно тому, как это делается в Америке, пока еще в двух-трех университетах. Такие учреждения являются в высшей степени желательными. Для этого, конечно, нужны руководители, психологи-специалисты. Подобно тому, как имеется врач-специалист, так должен быть психолог-специалист. Какие функции должны быть возложены на этого специалиста-психолога, в настоящий момент трудно сказать. Впрочем, ведь дело идет не о завтрашнем дне, а о ближайшем десятилетии. В настоящий момент мы не можем предусмотреть, чем мог бы быть в небольшом городе специалист-психолог. Он мог бы преподавать психологию; он мог бы преподавать педагогику; он мог бы производить диагнозы, но, разумеется, при условии прохождения соответствующей специальной психологической школы. Такие психологи могли бы явиться руководителями во всем том, что касается школьной жизни, что касается умственной работы. Я думаю, что они вместе с врачами могли бы быть нужными лицами в учебной жизни. Я не думаю, чтобы им необходимо было вмешиваться в учебную жизнь, чего боятся немецкие педагоги, но как к консультантам, к ним всегда могли бы прибегать за советом; в этом я ничего несообразного не вижу. *Он непременно должен быть специалистом в психологии.* Если бы эта идея осуществилась, то нам понадобилось бы очень большое число психологов. Мы в России в этом отношении

поставлены в гораздо менее благоприятные условия, чем, напр., в Германии. Штерн говорит, что количество немецких специалистов можно пересчитать по пальцам одной руки, но у нас и того менее, если говорить о специалистах. Если же мы утверждаем, что для практических целей должны быть специалисты, то, где же их взять? В настоящий момент у нас психологов очень мало, и ресурсов для образования их очень мало: научная психология — я бы в самом снисходительном смысле мог сказать — находится в зачатке.

Как же нам быть, если прикладная психология имеет действительно такое громадное значение? Конечно, первый ответ, который можно дать, заключается в следующем — нам необходимо открывать специальные психологические институты, в которых молодые люди подготовлялись бы к научной деятельности, и у нас в скором времени могло бы оказаться большое число психологов, т.е. такое число, которое могло бы удовлетворить эту нарастающую потребность в психологах-практиках. Я должен сказать, что этот ответ я не считаю правильным; он правилен только отчасти. Такой совет: «нужно открывать институты», можно произнести только в Германии, где очень много свободных сил по психологии, где кроме психологов, занимающих кафедры, есть огромное число ученых, просто занимающихся психологией, которые кафедр не занимают, но которые принимают участие в психологической литературе. Я даже не уверен, можно ли такую фразу произнести в Америке, где также очень много психологов. Что касается России, то нам столько же нужно заботиться об открытии лабораторий и институтов, сколько и о подготовке молодых людей к научной деятельности и даже склоняюсь к тому, что прежде нужно подумать о подготовке молодых людей, а потом об институтах. У нас, когда говорят об открытии учреждений, забывают о людях, которые являются необходимым условием существования таких учреждений. То же самое справедливо и по отношению к психологическим институтам. Когда я был в Америке, меня поражала некоторая аномалия при сравнении американских городов с Москвой по отношению к психологическим лабораториям. В Нью-Йорке трехмиллионное население, лабораторий психологических там всего только две. В Чикаго двухмиллионное население,

лабораторий, если бы я стал совершенно серьезно говорить, полторы: одна хорошая лаборатория при университете, а другая, очень маленькая, при учительском институте, а у нас в Москве 6 лабораторий. При психиатрической клинике, существующая с 1889 года, при кафедре философии в Университете, на педагогических курсах, лаборатория при Педагогическом Собрании, затем на Высших Женских Курсах, и сейчас есть также лаборатории при Шелапутинском Институте. Но сравните, например, Нью-Йорк и Москву: там есть научная психология, а у нас она в зачатке. Очевидно, есть что-то такое, что у нас сильно препятствует развитию психологии. Мне кажется, что главная причина заключается в том, что у нас *нет благоприятных условий для подготовки молодых людей к научной деятельности*. Прежде чем открывать лаборатории и специальные психологические институты, нужно позаботиться о том персонале, который там будет работать: я имею в виду профессоров, ассистентов, инструкторов, статистиков. Статистики при современном состоянии психологии играют в жизни института огромную роль при организации больших исследований. Без них невозможны массовые исследования, предполагающие собрание огромного количества данных, обработка которых должна вестись персоналом института, и в этом должны помогать статистики. Ясно, что психологический институт должен иметь такой персонал, который создать у нас трудно и даже, может быть, невозможно.

Мне кажется, что главная причина, которая нам мешает должным образом подготовиться к тому, чтобы иметь прикладную психологию и использовать ее — это недостаток нашей университетской организации, о которой я уже несколько раз говорил. Мне представляется, что коренной грех наших университетов в том, что они имеют преимущественно учебный характер, и что научные задачи отодвигаются в них на задний план. Для устранения этого недостатка нам необходимо пойти вслед за Америкой, где есть особый контингент молодых людей, который соответствуем тому, что мы называем «оставленные при университете». Но как велика разница между Росшей и Америкой. В Московском университете, напр., число оставленных при университете составляет 1%

общего числа учащихся, между тем как в американских университетах они составляют 10%. Разумеется, при таких условиях прилив молодых ученых сил в Америке гораздо больше, чем у нас. Между тем размеры потребностей в России не меньше, чем в Америке. Мне кажется, что на это должно обратить внимание общество. Если общество придет на помощь, то может создаться тот прилив молодежи, которая составит контингент лаборантов, ассистентов и т.п. Тогда можно будет подумать об открытии лабораторий.

Мне на это могут возразить: «Чего же вы хотите собственно? Раз у нас в России есть 50 мелких лабораторий при средних школах, то это действительно вполне благоприятствует развитию и распространению психологических знаний; они заменят собой несколько больших лабораторий». — Я смотрю совершенно иначе. По моему мнению, если бы у нас были организованы хорошие университетские лаборатории, тогда при наличии их эти маленькие лаборатории могли бы процветать. Когда университетских лабораторий нет, то эти маленькие лаборатории обречены на полную гибель; они не могут существовать, когда нет центров, где разрабатывается настоящая наука. В маленьких лабораториях при настоящих условиях может быть только отсталый дилетантизм. Могут быть случаи, когда тот, кто в уездном городе занимается экспериментальной психологией, станет пользоваться методами, которые уже 10 лет тому назад были отброшены. Я отношусь сочувственно к тому, что учительские общества и учительские союзы стремятся открывать лаборатории, но думаю, что они обыкновенно начинают не с того, с чего следует начинать. Однажды ко мне обратились из одного большого города с трогательным приглашением: «В нашем педагогическом клубе мы предполагаем открыть лабораторию, но у нас есть группа лиц, которая сомневается в ее целесообразности. Нам желательно выслушать Ваше мнение. Не пожелаете ли Вы приехать к нам прочесть доклад на тему о целесообразности или нецелесообразности открытия лаборатории». Мне хотелось тогда ответить: «Очень сочувствую тому, что Вы желаете иметь лабораторию, но думаю, что Вам придется понести очень значительные

расходы, чтобы подготовить соответствующего руководителя лаборатории. Вы хотите иметь такое важное учреждение, как лаборатория, и думаете, что для этого вполне достаточно нескольких *сот* рублей. Нет, надо еще к этому прибавить несколько *тысяч* для того, чтобы подготовить психолога для заведывания этой лабораторией». Мне кажется было бы очень важно, чтобы эта мысль у нас популяризовалась, чтобы провинциальные учительские союзы, которые имеют свои фонды, могли бы принять участие в том, чтобы готовить психологов, т.е., избрав из своей среды молодого человека, интересующегося психологией, послать его за границу, или вообще дать ему возможность специально заниматься научной психологией 3-4 года, и, когда он вернется, дать ему приличное жалованье, тогда они имели бы человека, который мог бы руководить всеми психологическими работами. Вот, мне кажется, какие жертвы нужно принести тем, кто сочувствует идее распространения прикладной психологии в России, а открывать лабораторию в 150-200 рублей, по-моему, значит отодвигать решение задачи на долгое время.

Вопрос о прикладной психологии мне представляется до такой степени важным, что, мне кажется, надо было бы привлечь общество к разрешению этого вопроса. Повторяю, для меня вопрос о развитии психологии равносильен вопросу о том, чтобы общество оказало содействие большему числу молодых людей, которые желают остаться при университете и заняться приготовлением к ученой деятельности. Ведь до сих пор эту задачу странным образом общество всегда возлагало на правительство, предполагая, что правительство должно позаботиться о том, чтобы у нас были ученые. Правительство дает субсидию, но ведь эта субсидия до такой степени скудна, что всякий, кто вникает в суть нашей университетской жизни, может видеть, что правительственный расход на эти цели буквально есть капля в море.

Чтобы создать достаточный контингент молодых ученых, нужны такие расходы, каких правительство не может и не должно брать на себя. Это дело общества. Вот почему мне кажется, что общество должно обратить внимание и взять это дело в свои

руки. Прежде всего, необходимо создать фонд для вспомоществования молодым людям, не-студентам, а тем, кто, окончив курс, желает заняться психологией. У нас есть благотворительные общества, которые помогают учащимся, студентам, но нет благотворительных обществ, которые помогают молодым ученым, т.е. нет того, что есть в Америке. Там есть не только стипендии для студентов, но равным образом и стипендии для окончивших университет. Так как у нас таких стипендий почти нет, то из этого следует, что у нас главной задачей университета считают подготовку молодых людей к профессиям. Мне кажется, что Россия гораздо более нуждается в науке, чем в людях, подготовленных к профессиям. Я думаю, что внимание общества должно быть направлено не только на эту функцию университета, но на подготовку молодежи к ученой деятельности.

Я, собственно, закончил. Я бы сказал в свое оправдание, что если я отклонился от темы, стал говорить об организации университета, то это именно потому, что, по моему глубокому убеждению, вся наша будущая педагогика находится в тесной зависимости от развития психологии. Если не будет психологии, если не будет людей, занимающихся самостоятельной разработкой психологии, то не будет педагогики. Вот почему мне кажется, что надо всем тем, кто согласен со мной, усиленно пропагандировать мысль о том, чтобы общество приняло участие в создании такого фонда, при помощи которого можно было бы оказывать вспомоществование молодым людям, посвящающим себя специальным занятиям психологией, и способствовать, таким образом, созданию научной психологии в России.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2021. Статья опубликована: 4.04.2021.

APPLIED PSYCHOLOGY IN GERMANY AND AMERICA

© 2020 Georgij I. Chelpanov

*Tenured Professor of the Department of Philosophy
Imperial Moscow University*

In this paper²³, the author raises questions related to a new direction – the emerging applied psychology. Recalling his recent trips to Germany and America, Chelpanov speaks with respect about G. Munsterberg, who was the first to declare the need to apply psychological knowledge for various spheres of human activity, and, first of all, for pedagogy and "economic life." Absolutely new ideas were the proposals of foreign colleagues to introduce the position of consultant-psychologists who could conduct research and direct it, as well as teach the psychology of educators. G.I. Chelpanov substantiates the need to create institutions where they give advice on suitability for the profession, study the psychophysical characteristics of a person in relation to the profession, study the psychophysical conditions for the highest labor productivity. With regard to Russian life, he raises a question that requires an early resolution: how and where to train counseling psychologists. According to the author, scientific psychology in Russia is in the initial stage of development and there are few young psychologists who are ready to engage in science.

Keywords: applied psychology, German psychologists, American psychologists, psychology of economic life, Hugo Münsterberg, scientific psychology in Russia.

The article was received: 25.03.2021. Published online: 4.04.2021

Библиографическая ссылка на статью:

Челпанов Г. И. О прикладной психологии в Германии и Америке // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 1. С. 184 - 216. DOI: 10.38098/ipran.opwr.2021.18.1.009

Chelpanov, G. I. (2021). O prikladnoy psikhologii v Germanii i Amerike [Applied psychology in Germany and America]. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]*, 6 (1), 184 - 216. DOI: 10.38098/ipran.opwr.2021.18.1.009

Адрес статьи: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document653.pdf>

²³ The abstract and keywords for the article by G.I. Chelpanov were compiled by Dr. N.Yu. Stoyukhina